

Рец. на кн.: Чеканцева З. А. Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 240 с.

Монография З.А. Чеканцевой, обращенная к далекому прошлому, имеет, самый что ни на есть актуальный как в научном, так и общественном смысле исследовательский предмет. Формулируемая на разных языках научной и обыденной речи проблема, «каковы условия нормального социального развития, не побуждающего к разрушению, но, напротив, к созиданию», особенно остро будирует сознание людей в нынешнее время. Различные формы протестного поведения, демонстрируемые не только событиями, происходящими на бурлящем, так и не обретшем устойчивой идентичности Востоке, но и в цивилизованной Европе, не говоря уже о нашем отечестве, сигнализируют о социальном неблагополучии мир-системы. И тем самым побуждают по-новому взглянуть и их пусть относительные, но все же аналоги в прошлом. Таков интенциональный подтекст рецензируемой монографии, посвященной ментальности или, как формулирует автор, «практическому разуму» простолюдинов последнего столетия Старого порядка.

Автор находит свой угол рассмотрения этой отнюдь не забытой в историографии проблемы. Именуя его субъектным, нацеленным на преодоление методологии «телефонной бинарности» причинно-следственных связей (с. 11), а соответственно и линейно-хронологического подхода, З.А. Чеканцева, тем не менее, профессионально умело сплавляет навыки и приемы традиционного историописания и методологически новых ходов в интерпретации народного протеста во Франции между Фрондой и Революцией. Авторский подход проявляет свою новизну уже в структурно-тематическом оглавлении книги, включающем такие разделы, как экология протеста, народный бунт и властные отношения, «воображение» бунтовщиков и традиции бунта, логика толпы или «правила» бунта. При этом во многом на впервые введенном в научный оборот материале выявляются важные особенности ментальной картины простолюдинов. Так, З.А. Чеканцева фиксирует некий новый этап в десакрализации сознания, анализируя проблемы голода, приходя к выводу, что в это время «не только власть имущие, но и простые люди перестали связывать голод лишь с карой небесной» (с. 33), усматривая в нем продукт деятельности человека, прежде всего властей.

Исходя из методологической посылки упрощенности экономической формулы «неурожай – голод – бунт» или «нищета – бунт», автор опираясь как на источники, так и солидную современную исследова-

тельскую литературу, прежде всего зарубежных ученых, реконструирует важные тренды сформировавшихся в долговременной ретроспективе структурных изменений в народном сознании. Представления о необходимости справедливого и правильного распределения продовольствия, требования дешевого хлеба, зревшая убежденность, что «государство обязано вмешиваться в сферу распределения в пользу неимущих и малоимущих, что право на жизнь выше права собственности», делает вывод исследовательница, являлись веским показателем неадекватности фритредерской политики абсолютизма нуждам народа, неэффективности системы Старого порядка (с. 59). Иными словами, казалось бы, далеко не новый тезис о кризисе общества в канун Революции обретает новую аргументацию посредством обращения к проблеме в новом ракурсе и во многом на новой информационной основе.

Дополнительный вес этому придает более широкое, нюансированное представление о власти. Хотя сама З.А. Чеканцева и не прокламирует этого, оговаривая лишь, что «тема «бунт и власть» шире темы «бунт и государство», ее позиция очень близка наиболее релевантному сегодняшнему уровню гуманитарного знания бартовско-фроммовскому пониманию данного феномена. Метафора Барта «...имя мне – легион – могла бы сказать власть... Власть гнездится везде, даже в недрах того самого прорыва к свободе, который жаждет ее искоренения»¹ более строго расширяется фроммовским определением: «Власть – это не качество, которое человек “имеет”, как имеет какую-либо собственность или физическое качество. Власть является результатом межличностных взаимоотношений, при которых один человек смотрит на другого как на высшего»².

Естественно, что на социально-психологическом уровне участники любого диалога могут меняться ролями фигур, претендующих на власть. В этот контекст вполне вписывается выявляемый автором протест, рассматриваемый как одна из форм системы социального взаимодействия, форм общения, которую неосознанно для себя пытались совершенствовать протестующие. Иначе говоря, субъектный подход автора предполагает методологически модернизированную стратегию анализа отношения простолюдинов и власти, причем стратегию, учитывающую объективную логику ее исторических мутаций на столь длительном и в то же время ключевом отрезке французской истории.

---

¹ Барт. 1989. С. 547.

² Фромм. 1990. С. 142.

Весьма любопытен сюжет, связанный с анализом слухов XVII–XVIII вв., рассматриваемых как компонент коллективного воображаемого. Он выстроен на пересечении учета как самих идеологов (легенда о «голодном заговоре», слухи о введении габели и др.), так и их социально-психологической подоплеки. Ю.П. Малинин в свое время заметил: « Психология ...сопричастна всем формам жизни и их эволюции. Поэтому исторический синтез, то есть синтез исторических знаний, возможен благодаря тщательному, всестороннему изучению именно социальной психологии, поскольку она представляет собой ту стихию, где в наиболее концентрированном виде соединились все особенности той или иной цивилизации»³.

Автору удается достичь возможного предела в достижении отмеченного ориентира исторического синтеза, выявляя связь между живучестью ряда страхов/поверий и реактуализацией в определенных условиях старых мифологем и появления некоторых новых. Рассмотрение данного идеолого-психологического комплекса как в макро историческом интерьере эпохи, так и микро историческом событийной эмпирии, связанной с государственной политикой, вырисовывает картину народного сознания, убежденного в наличии безнравственности в экономике и политике (главным образом хлебной торговли). Тем самым позволяет исследовательнице с полным основанием заключить, что этот идеолого-психологический комплекс «приобщая простых людей к высокой политике... содействовал десакрализации продовольственной проблемы и королевского статуса» и таким образом готовил почву для реализации «ослабления политических, экономических и психологических структур Старого порядка» (с. 134). Этот небольшой сюжет прозрачно показывает эффективность избранных методологических ходов в реконструировании глубинной пластики изменений в народном сознании, внесших свою лепту в крах Старого порядка.

Анализируя участие простых людей, особенно крестьян, в политическом процессе З.А. Чеканцева подвергает ревизии сложившийся историографический стереотип о неспособности низов на самостоятельное политическое мышление. Так, при исследовании народного протеста, обнаруживается, что соприкосновение двух «политических уровней» – «большой политики» и народной квазиполитики «не сопровождалось вербальной формулировкой программы протестующей толпы» (с. 161). Но различные формы протестного или бунтовщического поведения, будучи связаны с динамикой внутриполитических событий,

---

³ Малинин. 2000. С. 4-5.

выявляли умонастроения простых людей. Наиболее прозрачно наличие политического компонента в этих умонастроениях, как представляется, видно в изменении отношения к королю. Глубоко укорененная в бессознательном идентификация с его фигурой претерпевает эрозию. Автор выявляет мутации образа короля-отца от верховного справедливого суверена к двойственному, не вербализованному образу, где нелояльность фигуре монарха проявлялась в солидарности к опальным парламентариям (в Ренне, Дижоне, Тулузе, Гренобле, По и ряде других городов летом 1788 г.), и, наконец, девальвации образа в открытых нападках в многочисленных бунтовщических плакатах, поругании самыми разными способами статуй короля, вплоть до открытых оскорблений короля как хлебного торговца (С. 166-169).

Ж. Козел, одним из первых исследовал ритуал не как застывшую рутинизировавшуюся форму, но как эмоционально насыщенную форму диалога. Американский историк отмечал, что именно в критических условиях в силу открытости ритуала в момент осуществления интересов обыденной жизни его участников он способен рассказать многое об их сознании⁴. При этом он подчеркивал трансформацию ритуала или же его мультивалентные мутации в процессе исторической динамики как макро, так и микро исторического плана. По сути, в этом же регистре З.А. Чеканцева реконструирует логику ритуализованного отношения к королю, демонстрируя широкий диапазон методологически профессиональной работы с источниковой информацией.

Единственно о чем может мечтать заинтересованный читатель книги, так это о более глубоком шунтировании части мифов и слухов, маркирующих оформление политического уровня сознания простых людей. Скажем, в духе реконструкции «логики толпы» во время парижского бунта 1750 г., предпринятой французскими историками А. Фарж и Ж. Ревелем⁵. Французские исследователи, расшифровывая самый устойчивый слух о похищении детей властями, выстроили цепочку тех коллективных мифологем, с которыми была связана жизнь слуха: похищение детей – басня о крови, согласно которой некоему знатному лицу требуется детская кровь для лечения проказы – рассказы о том, что король был болен проказой и принимает ванны из крови, словно новый Ирод, избивающий младенцев, и, наконец, проказа как символ греха в народном и библейском сознании. При этом слух в изложении историков предстает как палимпсест, разные напластования которого состоят

⁴ Koziol. 1992. Ср.с позицией В. Тэрнера: Тэрнер. 1983.

⁵ Farge, Revel. 1988.

из обрывков различных культурных традиций, реальных сведений, сливающихся в более или менее цельный образ, хотя он внятно не артикулируется языком толпы. В устах восставших проскальзывает только имя Ирода. Но и этого достаточно. Так как во Франции существовал тогда реальный человек, соответствовавший этому портрету. Это был король. Именно он мог ассоциироваться с духовной проказой, потому как не мог противостоять своим низменным инстинктам, не выполнял долга, был черств и скуп, окружил себя полицейскими и чиновниками, вершившими произвол. В итоге получается исторически синтетическая, при этом яркая картина «нелюбимого» короля. Как видим, конкретный слух, его анализ вскрывает многозначную смысловую реальность, свидетельствующую о том, что подсознательно сформировался новый образ короля, говорящий об утрате его харизмы.

Возвращаясь к рецензируемой монографии и подытоживая свои впечатления от прочитанного, подчеркну, что книга З.А. Чеканцевой, несомненно, представляет интересный и оригинальный исследовательский текст. Текст, побуждающий думать, причем думать не только об историческом «далеко», но и о наших днях. Текст профессионала, владеющего широким по своему дисциплинарному охвату знанием. А потому и современно, а главное – для нашего времени адресно, звучит и его заключение: «Сила протестующей народной толпы, вероятно, не в том, что она подтачивала Старый порядок и готовила новый. Скорее, значение бунтовщического поведения в том, что оно было своеобразным сдерживающим фактором в динамике социума, который не позволял резко разрушать традицию, обеспечивая тем самым определенное равновесие в этой динамике, *сохранение главной нравственно-генетической линии эволюции* (выделено мной. – И. Н.)» (с.221).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барт Р. Избранные работы. М., 1989.
Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
Малинин Ю.П. Общественно-политическая жизнь позднесредневековой Франции XIV-XV века. СПб., 2000.
Koziol G. Begging Pardon and Favor. Ritual and Political Order in Early Medieval France. Ithaca; London. 1992.
Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
Farge A., Revel J. Logiques de la foule: L` affaire des enlevements d`enfants, Paris 1750. P.: Hachette, 1988.

И.Ю. Николаева

Николаева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Томского государственного педагогического университета; modhist@yandex.ru